

УДК 316.74:81; 316.344.3

ГЕРД ХЕНТШЕЛЬ,

*PhD, профессор славянского языкознания
Института славистики при Университете
им. Карла фон Оссецкого (Ольденбург, Гер-
мания)*

ПАТРИК ЦЕЛЛЕР,

*научный сотрудник Института славистики
при Университете им. Карла фон Оссецкого
(Ольденбург, Германия)*

Аспекты использования языков в центральных регионах Украины¹

Аннотация

Дебаты по языковому вопросу в Украине часто исходят из предположения о дихотомии между украинским и русским языками. Это не соответствует пребыванию обоих языков в общественном и личном употреблении и не учитывает существования так называемого суржика, то есть широко распространенной украинско-русской смешанной речи (УРСР). На основании опроса, проведенного в июне/июле 2014 года, в статье исследуются аспекты распределения этих трех кодов в центральных областях Украины. Анализ ответов респондентов на вопросы о том, каков их основной используемый код, какие коды они никогда не используют, об их одно- или многоязычии, их первом языке основательно подтверждает разделение всей центральной части Украины на пять субареалов, предложенное Хентшелем и Тараненко (2015). В трех субареалах, занимающих большую часть центральной области исследуемого ареала, самую сильную позицию имеет украинский (с разной степенью отчетливости), преобладая над УРСР и русским. Только в Сумской и Днепропетровской областях самую прочную позицию занимает УРСР, а в Харьковской — русский язык. В других частях анализа (по поводу языка обучения, оценки УРСР как более украинского

---

¹ Измененный и доработанный русскоязычный вариант статьи “Aspekte der Sprachverwendung in zentralen Regionen der Ukraine”, которая будет опубликована в “Wiener slawistischer Almanach”. За помощь в подготовке русскоязычной версии статьи авторы благодарят Олесю Палинскую и Анастасию Рейс.

или русского) проявляется разделение между Харьковом и другими субареалами. В целом эти региональные различия наиболее выражены, тогда как влияние других социально-демографических аспектов (пол, возраст и образование) имеет второстепенное значение.

Ключевые слова: языковая ситуация в Украине, язык и общество, многоязычие (в обществе), индивидуальное многоязычие, языковой контакт

1. Введение

Языковой вопрос в Украине, отчасти вследствие вооруженных конфликтов последних лет, получил едва ли не драматическую актуальность. Не в последнюю очередь он был поднят и российским правительством для мотивирования собственной интервенционистской политики, когда речь шла о (мнимом) притеснении или даже преследовании русских или русскоязычных в Украине.

В такого рода дискуссиях о “языковом конфликте” в Украине речь идет, как правило, о двух языках: украинском и русском. При этом предполагается и географическое деление на так называемые украино- и русскоязычную части: считается, что на Западе и в Центре Украины в языковом плане доминирует украинский, а на Юге и Востоке — русский язык. Это трижды является упрощением: во-первых, для большинства говорящих, особенно в центральных регионах, частое использование нескольких кодов в повседневной жизни — обычное явление. Соответственно, во-вторых, особенно для центральных областей характерно сосуществование нескольких языков, хотя и с отчасти четкими, но все же лишь градуальными различиями в частоте использования. А в-третьих, при этом игнорируется еще один код, характеризующийся как смесь элементов и структур украинского и русского языков, так называемый суржик. Сегодня эта украинско-русская смешанная речь (УРСР) — а именно так мы будем называть этот код в дальнейшем в связи со стигматизированной функцией определения “суржик” — встречается довольно часто, по крайней мере, в неформальной обстановке.

УРСР является предметом исследовательского проекта¹, который, с одной стороны, имеет целью вариационный и контактно-лингвистический анализ явлений, а с другой — лингвосоциологическое определение роли УРСР наряду с двумя литературными языками в украинском обществе. В дальнейшем последний аспект выйдет на передний план, точнее говоря, речь пойдет о различных аспектах использования этих трех кодов. Исследование сфокусировано не на всей территории Украины, а на центральном ареале, включающем, однако, и Хмельницкую область, которую часто относят к Западу Украины, а также Харьковскую и Днепропетровскую области,

---

¹ Финансируемый Фондом Фрица Тиссена (Fritz-Thyssen-Stiftung) проект “Вариативность и стабильность в смешанном субстандарте в экстенсивном и долговременном языковом контакте: украинско-русская смешанная речь в Украине” проводится под руководством Герда Хентшеля, одного из соавторов статьи, а также социолога Бернхарда Киттеля из Венского университета. Партнерами в Украине выступили Александр Тараненко (в области лингвистического анализа) и Николай Чурилов, под руководством которого был проведен (лингво)социологический опрос, лежащий в основе исследования.

традиционно считающиеся восточными или же юго-восточными. Итак, речь идет о центральной Украине в широком смысле (относительно отдельных областей см. ниже). Выбор областей мотивирован так, что, с одной стороны, украинские коллеги относят эту территорию к ареальной сфере суржика (УРСР), а с другой — исследуемая территория включает в себя различные диалектные ареалы украинского языка.

В силу нацеленности проекта на УРСР сбор данных осуществлялся в городах, а не в деревнях, где пришлось бы считаться со все еще сильным присутствием автохтонных диалектов. Из числа городов были исключены только три города-миллионера — Киев, Харьков и Днепропетровск, поскольку считается, что города такого размера ориентированы на литературные языки, а в этих относительно восточных регионах — скорее на русский¹, даже с учетом того, что в последние годы украинский используется чаще, чем раньше. На начальном этапе сбора данных был проведен так называемый закрытый опрос при помощи анкетирования, в котором приняли участие 1400 респондентов. 1343 из них заявили о своей украинской национальности. Дальнейшие исследования относятся к этим опрошенным. Итак, когда в дальнейшем будет идти речь об “украинцах”, имеются в виду именно представители украинской национальности.

В работе [Хентшель, Тараненко, 2015] авторы фокусируют внимание на ареальном распределении этих трех кодов. Эта работа, являясь отправной точкой настоящего исследования, будет в дальнейшем расширена четырьмя дополнительными аспектами. Во-первых, будет рассмотрено социальное распределение в отношении параметров пола, возраста и образования. Во-вторых, в большей мере будет учтен аспект многоязычия (многочисленности) говорящих. В-третьих, феномен УРСР будет рассмотрен с точки зрения региональных различий относительно предполагаемой респондентами близости к украинскому или русскому языку. И в-четвертых, будут изучены два других аспекта языкового использования, вносящие вклад в понимание сложной многоязычной ситуации, а именно аспекты первичного языка (кода языковой социализации ребенка) и языка школьного обучения.

И еще несколько слов о потенциально различных типах УРСР, или суржика: прототипом является суржик на “украинской основе”. Эта концепция исходит из того, что в диахроническом плане украиноязычные люди перешли на русский язык (как прототип, именно сельские мигранты в городах), что оставило устойчивые следы в их речи, изначально базированной на украинском коде. Вследствие государственной независимости и связанной с ней политики укрепления роли украинского языка в государстве и обществе можно предположить развитие “неосуржика”, то есть суржика на базе русского языка. Это основано на следующей идее: у тех, кто раньше говорил на русском, а сегодня в связи с упомянутой выше языковой политикой старается, по крайней мере, в определенных ситуациях говорить по-украински, все в большей степени проявляются характерные украинские черты и элементы. В какой степени эти два эвристически правдоподобных типа, являю-

---

¹ Со списком исследованных городов и количеством респондентов для представленного здесь исследования можно ознакомиться на сайте проекта: <https://www.uni-oldenburg.de/slavistik/forschung/sprachwissenschaft/drittmittelprojekte/variabilitaet-und-stabilitaet-im-gemischten-substandard-surzyk/>.

щихся диаметрально противоположными, реально накладываются друг на друга или в какой степени они должны четко дифференцироваться у отдельных говорящих, является открытым и в эмпирическом плане пока не освещенным вопросом. Например, дети сельских мигрантов в городах, относящиеся несомненно к первому типу, социализированы уже в УРСР, а не в украинских диалектах. Возможное интенсивное соприкосновение с русским языком также сделает их УРСР “более русской”. Таким образом, разграничивая УРСР на подтипы с украинской или же с русской основой, мы, скорее всего, имеем дело со своего рода градуальным различием. (Конечно же, в ходе опроса предъявить респондентам эту дихотомическую дифференциацию в непосредственном виде не представлялось возможным.) В западных регионах охваченной проектом территории можно ожидать преобладания УРСР с сильно проявленным украинским компонентом, в восточных же регионах, граничащих с “русскоязычными” Востоком и Югом, не вошедшими в исследование, этот компонент будет проявляться менее отчетливо. Эти вопросы рассматриваются в параграфе 5 настоящего исследования. Более точный структурный анализ необходимо оставить для последующих языковых исследований.

2. Исходные тезисы

Г.Хентшель и О.Тараненко разделили территорию, охваченную исследованием, на пять ареалов (см.: [Хентшель, Тараненко, 2015]). Основанием для этого членения послужили выявленные ими в вышеупомянутом опросе оценки частоты использования кодов в повседневной жизни, причем как среди самих респондентов, так и в их семьях и в их ближайшем окружении. Это показано на рисунке 1. Названия городов использованы на этом рисунке, как и во всем тексте (если не указано иное), метонимически для областей. Кроме трех указанных выше исключений, данные были собраны также в областных центрах.

С востока на запад представленный рисунок показывает, что в Харьковской области, единственной в этом регионе (Е), русский (с большим отрывом) преобладает над УРСР и украинским. В ареале (D) с двумя несмежными субареалами — Сумами и Днепропетровском — УРСР (четко) занимает первое место, после чего следуют украинский и русский языки. Для ареалов (А) — (С) характерна следующая иерархия: украинский язык > УРСР > русский язык. По существу эти три области отличаются друг от друга расстоянием между украинским и УРСР (и частично русским). Иерархия эта наиболее явно выражена в ареале (А), затем — в (В) и наименее явно — в (С) (подробнее см.: [Хентшель, Тараненко, 2015]). Членение всех ареалов имеет, таким образом, скорее градуальный, чем бинарно-полярный характер, и предполагает не только широко применяемую дифференциацию “восток — запад”, но и “центр — периферия”. Последнее может накладываться на первое. Это проявляется в том, что, во-первых, частичный ареал (В) находится в целом восточнее, чем обе несмежные области частичного ареала (С), а во-вторых, что к (D) относятся несмежные Сумская и Днепропетровская области, между которыми на оси север — юг лежит Полтавская область, относящаяся к зоне (В).

Рис. 1. Карта различий по объему использования трех кодов.

Черные буквы: украинский преобладает над УРСР и русским (А) — (С).
Подчеркнуто: УРСР преобладает по сравнению с украинским и русским (D).
Белые буквы: русский доминирует над УРСР и украинским (Е). Оттенки серого определяют степень использования украинского: более светлый — выше vs более темный — ниже

В последующем анализе будут показаны некоторые дальнейшие отличия для этих пяти ареалов. В связи с этим важно отметить, что соответствующие группы респондентов относительно различных соответствующих социальных параметров являются очень однородными. Во-первых, распределение по полу примерно равное (женщины — 50,3%, мужчины — 49,7% в среднем по всем областям; максимальное отклонение в ареале (С) — женщины — 52,3%, мужчины — 47,7%). Во-вторых, возрастная структура групп респондентов из пяти ареалов очень равномерна. Выборка делится на три возрастных группы — 18–32, 33–48 и 49–65 лет, каждая примерно по трети с отклонением максимум в 7% в одной группе и в одном ареале¹. В-третьих, по образованию структуры пяти групп респондентов очень близки, как можно увидеть в таблице 1.

Если в дальнейшем и могут быть обнаружены различия между ареалами, то таковые не следует считать эпифеноменами этих фундаментальных для социолингвистических исследований социальных параметров. С другой стороны, параметры пола, возраста и образования могут иметь принципиальные эффекты, что в дальнейшем будет контролироваться.

¹ Наибольшее отклонение выявлено в Харькове (Е). Доля 49–65-летних здесь несколько ниже, соответственно, доли двух других возрастных групп несколько выше.

Таблица 1

Образование респондентов в пяти ареалах, 2014, N = 1343, %

Образование	По ареалам					В среднем по выборке
	А	В	С	Д	Е	
Высшее	21,7	19,6	25,1	20,9	18,6	21,4
Незаконченное высшее	3,9	4,4	1,2	3,8	1,2	3,4
Среднее специальное (колледж, техникум)	40,3	38,9	36,6	32,8	41,9	38,0
Профессионально-техническое (ПТУ)	5,5	2,0	4,1	11,9	11,6	5,9
Общее среднее (10–11 классов)	27,0	32,5	30,9	26,4	22,1	28,7
Неполное среднее (8–9 классов или менее)	1,6	2,6	2,1	4,3	4,7	2,6

3. К вопросу об использовании кодов

Анализ, приведенный в: [Хентшель, Тараненко, 2015], можно в дальнейшем расширить по нескольким аспектам. Относительно личного использования респондентам были заданы два вопроса: (1) Какой язык, какой код Вы используете в первую очередь в повседневной жизни? (2) Как часто Вы используете каждый из трех кодов в повседневной жизни? Ответ на последний вопрос состоял из пяти вариантов: постоянно — часто — иногда — редко — никогда. В вопросе (2) респондентам следовало определить частоту употребления всех трех кодов: украинского, русского и УРСР. Поэтому ответы дают объяснение сосуществования кодов у опрашиваемых, их “дву-” или “трехязычия” (-кодности).

Прежде чем провести анализ предпочтений для отдельных кодов в пяти ареалах, следует показать распространение трех кодов по половой принадлежности в трех возрастных группах и дифференцирование по уровню образования (табл. 2).

Таблица 2

Основной код ежедневного употребления в зависимости от пола и возраста, 2014, N = 1343, %

Код	Пол		Возраст		
	М (n = 667)	Ж (n = 676)	18–32 (n = 489)	33–48 (n = 411)	49–65 (n = 443)
Украинский (n = 841)	62,1	63,2	59,7	60,8	67,5
Русский (n = 193)	14,4	14,3	17,4	16,1	9,5
УРСР (n = 309)	23,5	22,5	22,9	23,1	23,0

Для кода, преимущественно используемого в повседневной жизни, не обнаружено существенных различий между полами ($\chi^2 = 0,2; df = 2; p = 0,89$) и лишь небольшие — по возрасту ($\chi^2 = 13,8; df = 4; p = 0,008$; коэффициент Крамера $V = 0,07$). Здесь только старшая группа, 49–65 лет, отличается от двух более молодых групп, а именно касательно украинского и русского (в

противоположном направлении). На украинский в двух младших группах приходится от 7 до 8 процентных пунктов меньше, а на русский — больше; таким образом, сдвиг небольшой. Так как статус украинского языка в Украине за последние 25 лет несомненно возрос, то можно было ожидать скорее обратной картины, то есть у более молодых — лучших результатов для украинского и худших — для русского. Однако есть две вещи, которые следует принять во внимание. Во-первых, в Советском Союзе хорошее владение русским языком было обязательным условием для успешной карьеры в различных областях, но такие социально-экономические модели невозможно изменить в краткосрочной перспективе посредством изменения официальной языковой политики. В целом более трети респондентов из младшей группы имеют высшее образование (возможно, некоторые — неполное), в старшей возрастной группе таковых лишь немногим более одной пятой. Во-вторых, более частый выбор в пользу украинского языка среди старших также, должно быть, мотивирован использованием украинского скорее диалектного характера, тогда как у более молодых диалектный украинский, конечно же, теряется. Так что это не очень выраженное увеличение выбора русского и снижение выбора украинского можно интерпретировать, скорее, как остаточное влияние обстоятельств советских времен.

Что касается УРСР в качестве основного кода повседневного общения, то здесь ни пол, ни возраст не играют роли. Особенно следует отметить, что его использование не уменьшается в младшей возрастной группе. Для сравнения: в Беларуси, напротив, на основе аналогичных комплексных опросов обнаружено значительное снижение использования белорусско-русской смешанной речи (БРСП) у более молодых говорящих в пользу русского языка [Хентшель, Киттель, 2011; Хентшель и др., 2016]. В Украине же установлено, что шесть из десяти говорящих называют в качестве основного языка повседневного общения украинский, примерно каждый четвертый — УРСР и примерно каждый седьмой — русский.

Следующий анализ показывает взаимосвязь возраста и пола с “многокодовостью”, то есть с тем, какой из трех кодов и в каких комбинациях респонденты используют постоянно или часто (табл. 3)¹.

По сравнению с таблицей 2 изменения невелики. Но мужчины показывают немного более высокие значения для УРСР и для русского языка как единственного, часто или постоянно используемого кода. Женщины имеют почти везде (за исключением комбинации русский — УРСР) более высокие значения для двух или же трех кодов в постоянном или частом использовании. Относительно возрастных различий подтверждается лишь небольшая тенденция младших отдаляться от украинского и приближаться к русскому, и именно здесь наблюдается разница также между средней и младшей группами. Но эти различия также небольшие. Это значимые или же маргинально значимые связи ($\chi^2 = 16,7; df = 6; p = 0,010$ и $\chi^2 = 20,0; df = 12; p = 0,067$). Но они очень слабые (коэффициент Крамера $V = 0,11$ и $0,09$). (Приблизительное) достижение уровня значимости обусловлено большим количеством респондентов, а значит, не следует ее переоценивать.

¹ Восемь респондентов не отдали предпочтение ни одному коду, а отметили по отношению ко всем трем, что используют их “иногда”. Эти респонденты, соответственно, здесь не рассматриваются, поэтому общее их количество несколько ниже — 1335.

Таблица 3

“Многокодовость” в зависимости от пола и возраста, 2014, N = 1335, %

Комбинации кодов	Пол		Возрастная группа		
	М (n = 663)	Ж (n = 672)	18–32 (n = 487)	33–48 (n = 407)	49–65 (n = 441)
Укр. / рус. / УРСР (n = 120)	7,2	10,7	9,9	8,8	8,2
Укр. / УРСР (n = 333)	24,1	25,7	25,9	24,6	24,3
Укр. / рус. (n = 56)	3,3	5,1	4,9	4,9	2,7
Рус. / укр. (n = 67)	5,3	4,8	5,5	6,1	3,4
Укр. (n = 492)	36,3	37,4	31,8	35,6	43,5
УРСР (n = 139)	12,7	8,2	10,7	10,3	10,2
Рус. (n = 128)	11,0	8,2	11,3	9,6	7,7

Здесь отмечены общие выводы для распространения кодов в повседневной речи респондентов, а именно сравнение данных для кода, используемого как основной в повседневном общении, с данными для часто или постоянно используемых кодов (табл. 4).

Таблица 4

Основной vs часто или постоянно используемый код, 2014, N = 1335, %

Коды	Украинский	УРСР	Русский
Основной код (был возможен только один ответ)	62,6	23,0	14,4
Часто или постоянно используемый код (были возможны несколько вариантов ответа)	74,5	49,1	27,6

Наибольший абсолютный, а также и относительный прирост при выборе (если принимать во внимание многокодовость респондентов) явно проявляет УРСР, которую четверть опрошенных используют как основной код, а половина — часто или постоянно. Прирост русского в сравнении является аналогично высоким, его употребление возрастает вдвое — от одной восьмой до четверти. Прирост украинского является здесь наиболее незначительным как в относительном, так и в абсолютном выражении: от почти двух третей до трех четвертей. Итак, “основной” используемый язык не обязательно следует понимать как наиболее часто используемый код, а как таковой, для которого признают определенный приоритет не только вследствие частого использования. Это также может иметь определенное символическое значение, хотя и менее сильное, чем в вопросе о родном языке (см.: [Хентшель, Тараненко, 2015]).

Итак, переходим к образованию (см. табл. 5).

Относительно образования также не обнаруживается никаких драматических различий касательно основного языка повседневного общения ($\chi^2 = 21,4$; $df = 10$; $p = 0,019$; коэффициент Крамера $V = 0,09$). Конечно, среди тех, кто называет УРСР, доля респондентов с высшим образованием является самой низкой. Но тем не менее почти каждый пятый из них имеет высокий уровень образования. Для тех, кто назвал русский, доля высшего образования является самой высокой: чуть больше, чем каждый четвертый опрошенный.

Для тех, кто закончил ПТУ, и тех, кто получил так называемое общее среднее образование, соотношения прямо противоположные. Бросается в глаза, что среди респондентов, которые называют русский, количество тех, кто получил не более чем общее среднее образование, является самым низким. Все это можно понимать как слабое отражение того, что в советские времена лучшая карьера была явно связана с владением русским языком. Но ясно также, что УРСР никоим образом не является кодом необразованных.

Таблица 5

Основной код повседневного общения в зависимости от образования, 2014, N = 1343, %

Образование	Украинский	Русский	УРСР	В среднем по выборке
Высшее (n = 288)	21,2	26,9	18,8	21,4
Незаконченное высшее (n = 45)	3,3	3,6	3,2	3,4
Среднее специальное (колледж, техникум) (n = 511)	37,9	37,3	38,8	38,0
Профессионально-техническое (n = 79)	4,3	9,8	7,8	5,9
Общее среднее (n = 385)	30,7	20,7	28,2	28,7
Неполное среднее (n = 35)	2,6	1,6	3,2	2,6

Картина будет более дифференцированной, если учитывать многокодовость (см. табл. 6).

Таблица 6

Часто или постоянно используемые в повседневном общении коды в зависимости от образования, N = 1343, %

Уровень образования	Укр./	Укр./	Укр./	Русск./	Укр.	УРСР	Русск.	В среднем по выборке
	Русск./	УРСР	Русск.	УРСР	Русск.			
Высшее (n = 288)	23,3	17,1	35,7	29,9	23,6	13,7	21,9	21,6
Незаконченное высшее (n = 44)	3,3	1,8	1,8	4,5	3,7	4,3	4,7	3,3
Среднее специальное (колледж, техникум) (n = 508)	38,3	39,6	33,9	40,3	37,2	41,0	34,4	38,1
Профессионально-техническое (n = 78)	7,5	6,3	0,0	9,0	2,6	10,1	11,7	5,8
Общее среднее (n = 382)	24,2	31,2	28,6	14,9	31,1	26,6	25,8	28,6
Неполное среднее (n = 35)	3,3	3,9	0,0	1,5	1,8	4,3	1,6	2,6

Среди тех, кто отмечает для себя только частое или постоянное использование УРСР, доля людей с высшим образованием еще ниже, чем в случае

основного кода. Однако почти каждый седьмой респондент, указывающий только УРСР в качестве постоянно или часто используемого кода, имеет высший уровень образования, тогда как для группы, называющей комбинацию УРСР, — украинский, это каждый шестой. Более всего высшее образование представлено среди тех, кто часто или постоянно использует либо украинский и русский языки (более чем один из трех), либо УРСР и русский (почти каждый третий). Важно также, что те, кто называет только украинский или только русский язык, в этом плане не сильно различаются (высшее образование указывает каждый четвертый-пятый). Итак, в целом образование лишь слабо коррелирует с основным языком повседневного общения, а также много- и однокодовостью ($\chi^2 = 61,8; df = 30; p = 0,001$; коэффициент Крамера $V = 0,10$).

Уже в работе: [Хентшель, Тараненко, 2015] региональные различия были названы как наиболее значимые по сравнению с полом, возрастом и образованием, если не эксплицировать последнее (как было показано выше). Описания ареальных различий далее будут дифференцированы. В таблице 7 представлены результаты касательно основного кода в повседневном общении респондентов в пяти ареалах.

Таблица 7

Основной код повседневного общения в пяти ареалах, 2014, N = 1343, %

Ареал	Украинский	Русский	УРСР	Всего (n)
А	84,2	6,2	9,6	437
В	70,2	11,4	18,4	342
С	57,2	18,5	24,3	243
Д	33,6	14,5	51,9	235
Е	17,4	55,8	26,7	86
В среднем	62,6	14,4	23,0	1343

Доля тех, кто называет украинский язык в качестве основного в повседневном общении, очень четко и поэтапно снижается от ареала (А) до (Е) и варьирует при этом примерно от 84% до 17%. Для русского языка, грубо говоря, наблюдается обратная тенденция. Здесь ареалы (А) и (Е) также представляют минимум и максимум, но в противоположном направлении по отношению к украинскому, однако, во-первых, амплитуда вариации не столь сильна, поскольку минимум (около 6%) и максимум (около 56%) находятся ближе друг к другу. Во-вторых, различия между ареалами (В), (С) и (Д) по заявленному использованию русского языка выражены не очень отчетливо. Кроме того, значения этих трех “промежуточных” ареалов гораздо ближе к минимуму в (А), чем к максимуму в (Е). Хотя для УРСР заметно определенное сходство со значениями для русского, но (Д) показывает максимум для УРСР и (Е) занимает свое место в одной группе с (В) и (С)¹.

¹ Поскольку разделение проводилось по пяти ареалам в кластерном анализе, основанном на оценивании респондентами частотности трех кодов, исследовать различия в частоте трех кодов в пяти ареалах через статистические тесты значимости не является целесообразным.

Если мы дифференцированно анализируем многоязычие (“многокодность”) многих респондентов, вырисовывается картина, представленная в таблице 8.

Таблица 8

**Многокодность в пяти ареалах:
комбинации часто или постоянно используемых кодов, 2014, N = 1343, %**

Ареалы	Укр.	Русск.	Укр. / Русск.	УРСР	Укр. / УРСР	Русск. / УРСР	Укр. / Русск. / УРСР	УРСР, в одиночку или в комбинации
А	58,5	4,4	4,8	3,2	19,7	2,3	7,1	32,3
В	31,0	7,6	4,1	7,9	35,4	2,3	11,7	57,3
С	46,6	9,2	5,9	14,7	10,1	5,0	8,4	38,2
Д	6,4	9,9	1,3	20,6	41,2	10,7	9,9	82,4
Е	5,8	44,2	4,7	17,4	7,0	14,0	7,0	45,4
В среднем	36,9	9,6	4,2	10,4	24,9	5,0	9,0	49,3

В этом анализе код вновь принимался во внимание, если он был назван отдельными респондентами как постоянно или часто используемый. Излишне не вдаваясь в подробности, можно сделать следующие наблюдения:

1. Украинский как единственный код частого или постоянного использования весомо представлен в регионах (А) и (С) (почти у половины опрошенных). Ареал (В) занимает среднее место по этому показателю (приблизительно с третью). В (D) и (Е), двух самых восточных ареалах, значения показателя очень низкие (чуть более 5%).

2. Русский как единственный часто или постоянно используемый язык общения ярко выражен только в северо-восточном Харьковском ареале, где почти половина респондентов высказали такую самооценку. Во всех остальных ареалах значения составляют менее 10%, а в регионе (А) значительно меньше.

3. Выраженный индивидуальный билингвизм с украинским и русским языками в частом или постоянном использовании (но без УРСР) назвали во всем исследуемом ареале лишь менее 5% респондентов.

4. В сочетании с украинским УРСР опять же представлен сильнее в частом или постоянном использовании, чем русский, за исключением Харькова.

5. Наиболее важным установленным фактом для УРСР является следующее (см. табл. 8, крайний справа столбец): по крайней мере треть респондентов назвали УРСР как часто или постоянно используемый код в ареалах (А) и (С). В ареалах (В) и (Е) этот показатель составляет примерно половину, а в (D) — больше, чем четыре пятых.

6. Двумя наиболее частыми сочетаниями являются в среднем “только украинский” (более чем треть) и “украинский с УРСР” (четверть). Все остальные констелляции достигают приблизительно от 5 до 10%. Кроме того, в отдельных ареалах также встречается, как уже упоминалось, “только русский” с высоким значением (в ареале (Е)) и “только УРСР” (с относительно высоким значением в ареале (D), где этот вариант назвал каждый пятый).

4. Неиспользование трех кодов

Ранее было проанализировано, какие коды респонденты используют чаще всего. Существенно и то, какие коды респонденты используют редко или вообще не используют. Поэтому в дальнейшем мы уделим больше внимания шкале вариантов ответов (никогда — редко — иногда — часто — постоянно), в особенности ее нижней части. В работе: [Хентшель, Тараненко, 2015] отмечено, что в общей сложности чуть менее половины (46,2%) респондентов указали, что используют русский язык редко или даже никогда. Для УРСР этот показатель был ниже (31,2%), и явно самым низким для украинского (16,3%). 5% респондентов сообщили, что никогда не используют украинский. По 15%, соответственно, сообщили, что никогда не используют УРСР или русский. Это следует в дальнейшем дифференцировать по региональным и социальным критериям (табл. 9).

Таблица 9

Никогда не используемые коды в пяти ареалах, 2014, N = 1343, %

Ареал	Украинский	Русский	УРСР
А	1,1	18,5	17,8
В	1,2	10,8	7,0
С	1,6	17,3	23,9
Д	5,1	9,4	2,6
Е	17,4	2,3	33,7
В среднем	3,0	13,7	14,5

Во всех ареалах подавляющее большинство респондентов использует три кода как минимум изредка. Наибольшее значение неиспользования выявлено для УРСР в ареале (Е), где каждый третий указывает, что никогда не использует этот код. Здесь также самая высокая доля тех, кто указывает, что никогда не использует украинский язык. Соответственно, в этом ареале почти нет тех, кто никогда не использует русский язык. (В) и (Д), судя по всему, являются ареалами, где достаточно четко проявляются все три кода. Вариант “никогда” для всех трех кодов едва ли достигает суммарно 10-процентной отметки. Но и в других ареалах, где украинский или же УРСР явно доминируют как наиболее часто используемые коды, остальные коды ни в коем случае не являются неиспользуемыми.

Самая большая амплитуда наблюдается для УРСР. Здесь значения самые низкие, то есть наиболее распространенной является УРСР в ареалах (В) и (Д). Это ареал, простирающийся от северной части центра с Киевом, Черниговом и Сумами к южной части центра через Полтаву до Днепропетровска. В ареалах (А), (С) и — как уже упоминалось — прежде всего в (Е) существует при этом значительное число респондентов, категорически отрицающих использование этого кода.

Относительно пола и возраста не возникает никаких существенных различий, как показано в таблицах 10 и 11.

Таблица 10

**Никогда не используемые коды в зависимости от пола и возраста,
2014, N = 1343, %**

Коды	Пол		Возраст			Всего
	М	Ж	18–32	33–48	49–65	
Украинский	4,0	1,9	3,1	2,9	2,9	3,0
Русский	14,5	12,9	11,9	13,1	16,3	13,7
УРСР	14,5	14,5	15,3	13,6	14,4	14,5

Несколько сильнее проявляются различия в соотношении с образованием.

Таблица 11

**Никогда не используемые коды в соотношении с образованием,
2014, N = 1343, %**

Уровень образования	Украинский	Русский	УРСР
Высшее ($n = 288$)	1,7	9,4	17,0
Незаконченное высшее ($n = 44$)	0,0	11,1	11,1
Среднее специальное (колледж, техникум) ($n = 508$)	3,1	12,1	12,7
Профессионально-техническое ($n = 78$)	7,6	20,3	19,0
Общее среднее ($n = 382$)	3,1	16,6	14,8
Неполное среднее ($n = 35$)	2,9	28,6	11,4
В среднем	3,0	13,7	14,5

В отношении украинского языка чаще всего указывают, что никогда не используют этот код респонденты с профессионально-техническим образованием, хотя, как минимум изредка, украинский все-таки использует подавляющее большинство. Однако каждый пятый из этих респондентов никогда не использует русский язык, а также каждый пятый никогда не использует УРСР. Очевидно, что здесь трехкодовость выражена наименее. Каждый четвертый респондент с неполным средним образованием указывает, что никогда не использует русский язык. Только для русского языка проявляется линейная зависимость от уровня образования: чем выше уровень образования, тем ниже доля тех, кто никогда не использует русский язык (коэффициент Спирмена $Rho = -0,94$; $p = 0,005$). Для украинского, как и для УРСР, это не так ($Rho = -0,49$; $p = 0,32$ и $Rho = 0,09$; $p = 0,87$).

Диаграмма, приведенная на рисунке 2, дополняет картину. Она отражает кумулятивные значения использования трех кодов и, таким образом, показывает, сколько респондентов используют каждый код редко, иногда, часто и, наконец, постоянно.

Примечательно здесь следующее: для украинского и русского языка ареалы в нижней части шкалы (для значения “редко”) похожи сильнее, чем в верхней части шкалы. Поэтому количества респондентов, которые используют оба литературных языка по крайней мере редко, относительно близки

во всех ареалах — ареальные различия можно найти только в числе респондентов, которые используют эти коды часто или постоянно. Что же касается украинского языка в ареалах (А) — (D), то в нижней части шкалы они едва различаются: практически каждый респондент заявляет, что использует украинский как минимум редко. Для русского языка на общем фоне выделяется (Е), остальные линии лежат близко друг к другу. Следовательно, что касается русского языка, в ареалах (А) — (D) имеются лишь небольшие различия, даже если провести более тщательное дифференцирование, то есть не только между частым и постоянным использованием, с одной стороны, и между вариантами “никогда” и “иногда” — с другой.

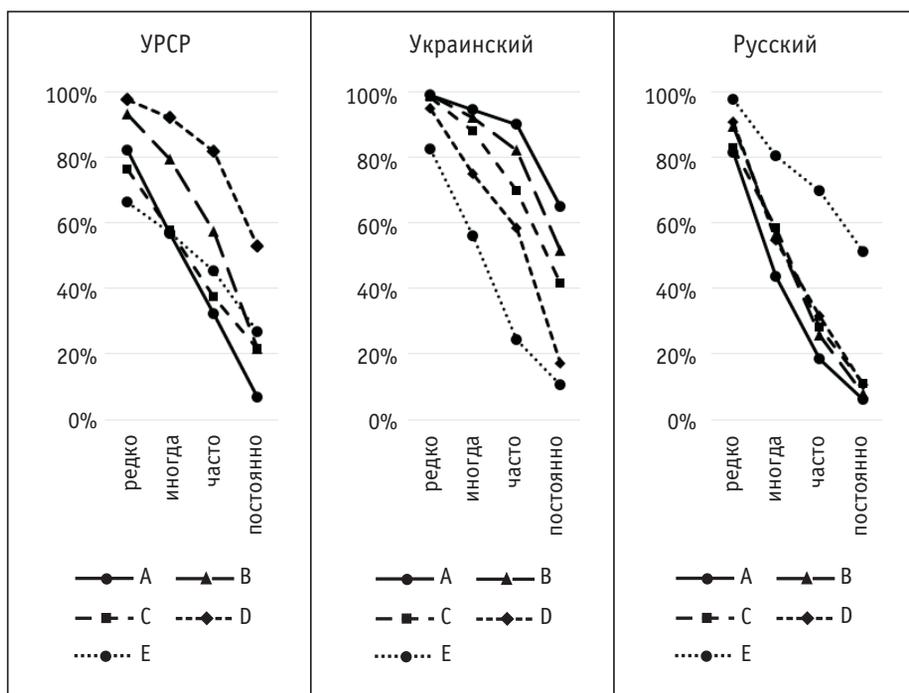

Рис. 2. Степень использования трех кодов (кумулятивно от “постоянно” до “редко”)

Для УРСР, однако, на обоих концах шкалы можно наблюдать сравнительно большие различия: максимальная разница между ареалами на обоих концах составляет от 40 до 50 процентных пунктов. Здесь, следовательно, исследуемая территория дифференцируется также относительно того, где УРСР никогда не используется. Кроме того, если линии для украинского и русского языков едва пересекаются, для УРСР ситуация обстоит по-другому. В ареале (Е) есть сравнительно небольшое число людей, использующих УРСР как минимум редко и, соответственно, наоборот, много тех, которые никогда ее не используют. Вместе с тем есть довольно много людей, сообщивших о том, что используют УРСР постоянно. Очевидно, что УРСР здесь распределяется более разбросано, чем в областях (А) — (С), где крайние типы — никогда не использующих УРСР или использующих ее постоянно — представлены редко, тогда как те, кто использует УРСР редко, иногда или часто, представлены больше.

5. О региональных различиях УРСР

В работе [Хентшель, Тараненко, 2015] авторы указывают на то, что отношение собственной речи к разряду УРСР, а не русского или украинского языка, конечно же, содержит субъективный момент. Вопрос, где респонденты видят границы между кодами, то есть между УРСР и украинским языком, с одной стороны, и русским — с другой, является, безусловно, существенным для будущего исследования. Но даже независимо от определения этих категорий вполне вероятно, что УРСР обнаруживает региональные различия, в смысле региональных вариантов УРСР разной степени близости к украинскому и русскому. Следовательно, возникает интересный вопрос, как УРСР будет распределяться в своем сходстве с украинским или с русским.

Соответственно, в исследовании был поставлен вопрос о том, как респонденты оценивают свою смешанную речь, похожа ли она больше на украинский, русский или на оба языка в более или менее одинаковой мере. Здесь проявляются существенные различия между регионами (рассмотрены были лишь 659 респондентов, указавших, что часто или даже постоянно практикуют УРСР; из них 44 совсем не ответили на вопрос или указали, что не могут определиться) (табл. 12).

Таблица 12

Оценка респондентами сходства их УРСР с украинским или русским языком, 2014, N = 615

Ареалы	Русский, %	Укр. и русск. в равной степени, %	Украинский, %	n
A	6,6	17,6	75,7	136
B	5,6	16,9	77,5	178
C	8,6	39,5	51,9	81
D	9,8	32,2	57,9	183
E	32,4	27,0	40,5	37
В среднем	9,1	25,2	65,7	615

Мнение, что УРСР напоминает русский язык, в значительной степени распространено только в Харьковской области (E) (примерно треть ответов). Кроме того, результаты для трех вариантов ответа в этой области относительно сбалансированы, что сильно отличает этот ареал от остальных. О большем сходстве с украинским заявили чуть более 40%, о сбалансированном сходстве с украинским и русским — почти 30%. Более низкая доля называния украинского в сравнении с другими четырьмя ареалами, конечно же, является валидной, так как в указанной области на украинский приходится лишь незначительная доля, когда речь идет о часто или постоянно используемых кодах, в отличие от русского языка, который в настоящее время доминирует в этом ареале как язык повседневного использования. Понятно, что это также накладывает свой отпечаток на качество УРСР, хотя в этой об-

ласти доля граждан с русской национальностью составляет на сегодняшний день менее 20%¹.

В каждом из остальных четырех ареалов преобладает определение собственного УРСР как похожего на украинский. Это особенно бросается в глаза в областях (А) и (В), где около трех четвертей респондентов выбрали этот вариант. И это вполне логично: здесь больше — с заметным отрывом — украинский называют кодом частого или постоянного использования в повседневной жизни; соответственно, смешанный код получается “более украинским”. Северные и южные, а также восточные области в ареалах (С) и (D) аналогичны ареалам (А) и (В), однако о сходстве УРСР с украинским здесь заявили немногим более 50% (С) и почти 60% (D) респондентов. Соответственно выше получается доля респондентов, видящих свою УРСР, так сказать, “посередине” между украинским и русским языками. Здесь стоит отметить, что ареалы (С) и (D) сильно различаются с точки зрения частоты использования трех кодов. В то время как (С) в этом плане можно сравнить скорее с ареалами (А) и (В), где украинский четко просматривается как доминирующий код, хотя в (С) не столь сильно, как в (А) и (В), то в (D) — в Днепропетровске и Сумах — однозначно доминирует УРСР. В данном случае заявленное сходство УРСР с украинским не может объясняться частотой использования украинского. Но в ареале (D) во всех возрастных группах респондентов украинский, в отличие от русского, преобладает в качестве языка школьного обучения — так же, как и в (А), (В) и (С), а в ареале (Е) в качестве языков школьного обучения оба литературных языка держат баланс (см. параграф 7).

Данные по первому языку также наталкивают на мысль, что для УРСР, или суржика, по крайней мере, в таких ареалах, как (D), строгое различие на подтипы с украинской или же русской основой с синхронической социолингвистической точки зрения эмпирически вряд ли возможно².

6. К вопросу о первичном языке

В опросе, касающемся первичного языка, то есть языка первичной социализации в детстве, была возможность выбирать несколько вариантов ответа. Тем не менее количество ответов лишь на 114 превышало число респондентов. Это значит, что гораздо меньше, чем 10% респондентов, дали более одного ответа, поэтому множественным выбором можно пренебречь (см. табл. 13).

Что касается украинского, область исследования представляет собой континуум, в котором украинский непрерывно уменьшается от частичного ареала (А) с примерно 75% до (Е) с примерно 28%. Существенный разрыв на-

¹ Эта цифра взята из исследования, проведенного в рамках проекта DACH 2012 (см.: [Schmid, 2012]). Согласно первой (и пока последней) переписи населения в независимой Украине 2001 года, она составляла 25%, тогда как в последней советской переписи 1989 года — 33% (см.: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/eng/results/general/nationality/>).

² В работе [Хентшель, 2015: с. 180–181] показано, что в Беларуси аналогичное различие между БРСР / трясанкой на основе белорусского и на основе русского весьма проблематично. Более подробно основные проблемы внутренней дифференциации УРСР и БРСР освещаются в: [Flier, 2008], а также: [Хентшель, s.a.].

блюдается между (С) с 58% и (D) с 37%. Относительно русского появляется разделение на две части. Помимо области (Е), Харькова, значения составляют около 15%, то есть являются довольно низкими. В Харькове же русский в качестве языка первичной социализации достигает почти 50% и доминирует как над украинским, так и над УРСР, которые практически уравновешены — со значениями около 27%. Что же касается УРСР как “первичного языка”, то результат является в некотором смысле зеркальным отражением русского. Только здесь ареалы (А), (В), (С) и (Е) образуют блок со значениями между 23% и 29%, а также выделяется частичный ареал (D), который — как уже упоминалось — состоит из несмежных ареалов, Сум и Днепропетровска. Здесь более 60% респондентов считают первичным языком УРСР.

Таблица 13

Распределение первичного языка по ареалам, 2014, N = 1343, %

Ареалы	Украинский	Русский	УРСР
А	75,5	12,4	23,6
В	69,3	14,0	22,8
С	57,6	16,9	29,6
D	37,0	13,2	63,0
Е	27,9	48,8	25,6
В среднем	60,9	16,1	31,5

В конечном счете различия проявляются также в зависимости от возраста, но они гораздо слабее, чем различия по ареалам (см. табл. 14).

Таблица 14

Соотношение первичного языка общения и возраста, 2014, N = 1343, %

Возраст	Украинский	Русский	УРСР
18–32	58,5	17,8	32,7
33–48	57,9	19,5	32,1
49–65	66,4	11,1	29,6
Всего	60,9	16,1	31,5

От старшей возрастной группы к средней значения для украинского немного снижаются, при этом соответственно повышаются для русского. От средней возрастной группы до младшей значения остаются на постоянном уровне. Это показывает, что снижение доли украинского, наблюдаемое еще в сравнении старшей группы со средней, по-видимому, приостановилось.

В целом, однако, следует подчеркнуть, что для значительной части населения (в регионе (D) около Днепропетровска — даже большей части) языковая первичная социализация происходила на УРСР. Когда же эти люди позже усваивали украинский и русский, то усваивали они (с “онтогенетической” точки зрения) предположительно “базирующийся на суржике” украинский или, соответственно, русский (независимо от того, был ли суржик более “украинским” или же более “русским”), а не суржик, базирующийся на украинском или русском (см.: [Хентшель, 2013: с. 61–62]).

7. К вопросу о языке школьного обучения

Самым ярким моментом ареальной дифференциации в данных об использовании языка является, несомненно, тот факт, что Харьков (Е) очень резко обособлен от других областей. Отдельный интерес представляет различие между (Е) и непосредственно граничащими с ним областями ареала (D), то есть смежными областями (Сумы и Днепропетровск), а также между (Е) и лежащим между Сумами и Днепропетровском, но при этом тоже непосредственно примыкающим Полтавским ареалом из ареала (В). Соответствующее разделение исследуемой области на ареал (Е), с одной стороны, и другие ареалы — с другой, также можно рассматривать с точки зрения языка обучения респондентов. При этом имеется в виду язык проведения занятий, за исключением уроков по украинскому языку и литературе, а также по русскому языку и литературе (табл. 15).

Таблица 15

Язык обучения в начальной и средней школе, которую посещал респондент, по ареалам, 2014, N = 1343, %

Ареал	Исключительно или преимущественно украинский		Исключительно или преимущественно русский		Украинский и русский в равной мере	
	начальная	средняя	начальная	средняя	начальная	средняя
А	79,2	82,8	14,2	14,2	4,1	3,0
В	83,3	84,8	9,9	9,6	4,1	4,4
С	82,3	85,6	9,1	8,6	2,9	4,1
D	71,5	78,7	19,1	12,8	4,7	5,1
Е	51,2	52,3	47,7	46,5	1,2	1,2
Всего	77,7	81,2	15,2	13,8	3,8	3,8

Если в двух последних результатах обобщить позиции “исключительно” и “преимущественно”, то следует отметить, что данные для позиции “исключительно” всегда явно доминируют. Это значит, что школы были, как правило, однозначно украинско- или русскоязычными. В начальных и средних школах в ареале (Е) украинский и русский сбалансированы, в то время как в других ареалах украинский явно преобладает.

Относительно возраста также проявляются различия, но они опять же оказываются значительно меньшими (см. табл. 16).

Следует обратить внимание на увеличение доли украинского и соответствующее снижение доли русского языка от средней к младшей возрастной группе почти на десять процентных пунктов.

Остается отметить, что внутри ареалов практически так же не проявляются различия в возрастных группах. Примечательно только то, что в ареале (А) среди молодых (18–32 лет) ответ в пользу украинского языка доминирует в большей мере, чем у старших, достигая значения свыше 90%; старшая группа здесь показывает примерно на 15 процентных пунктов меньше. В регионах (В), (С) и (D) нет существенных различий. В Харькове доля старшей возрастной группы (49–65 лет) для позиции “исключительно украинский” была примерно на 12 процентных пунктов больше. Итак, возраст играет здесь, очевидно, лишь незначительную роль.

Таблица 16

Язык обучения в начальной и средней школе, которую посещал респондент, в соотношении с его возрастом, 2014, N = 1343, %

Возрастная группа	Исключительно или преимущественно украинский		Исключительно или преимущественно русский		Украинский и русский в равной мере	
	начальная	средняя	начальная	средняя	начальная	средняя
18–32	83,0	87,1	11,0	9,0	2,9	2,7
33–48	74,2	78,1	19,7	17,8	3,2	3,2
49–65	74,9	77,4	15,6	15,6	5,4	5,6
В среднем	77,7	81,2	15,2	13,8	3,8	3,8

8. Выводы

Исходя из выделенной в работе [Хентшель, Тараненко, 2015] подструктуры большого ареала центральной Украины, которая основывается на частоте использования респондентами в их семьях и в ближайшем окружении трех соответствующих кодов в Украине (украинский, УРСР, русский) по их оценкам, было показано, что именно эти ареальные различия представляют собой главный фактор вариантности в предпочтениях для трех кодов. Три других контролируемых параметра, применяемых обычно в социолингвистике, а именно: пол, возраст и образование, либо не оказывают совсем (пол), либо оказывают лишь незначительное влияние на вариантность. Что касается возраста, то неожиданным на первый взгляд является то, что предпочтения в пользу русского языка оказались немного выше именно у более молодых респондентов. Это неожиданно в том смысле, что их социализация проходила в основном, а для многих исключительно в независимой Украине, где украинский язык поддерживался и требовался государством. Но такие факторы, как спад в использовании диалектного украинского языка, которым все еще пользуются многие представители старшего поколения, повышение уровня образования (в смысле формальной квалификации) у младших в связи с социально-экономическим доминированием русского языка, которое не изменяется в короткий срок “по указу” и, таким образом, оказывает долгосрочный эффект, тем не менее дают основания для интерпретации этого явления как “позднего отголоска” советской эпохи. Однако УРСР, в свою очередь, не показывает никаких тенденций к спаду среди молодых респондентов. И это резко контрастирует с сопоставимыми исследованиями в Беларуси (см.: [Хентшель, Киттель, 2011; Хентшель и др., 2016]), где не только белорусский, но и БРСР все чаще уступают место русскому языку, особенно у младшего поколения. Это можно интерпретировать следующим образом: в Беларуси продолжается маргинализация белорусского и аналогично укрепляется доминантная роль русского. Как эпифеномен исчезновения белорусской основы также снижается использование БРСР у молодых белорусов. В независимой Украине похожая маргинализация была остановлена продвижением украинского, что в то же время, по-видимому, также стабилизировало положение УРСР среди молодых людей. На фоне белорусской ситуации устойчивость УРСР представляет собой положительный момент. Распределение первичных языков, то есть языков пер-

вичной социализации, показывает те же тенденции, которые установлены и для языков повседневного общения.

Более четко, чем возраст, проявляет свое влияние образование, в том смысле, что у сильно ориентированных на УРСР респондентов доля высшего образования, то есть самого высокого формального уровня образования, значительно ниже, но отнюдь не стремится к нулю. Соответственно, доля среднего, наоборот, выше. Особенно в уровне образования между высшим и стандартом обычного среднего образования, то есть у респондентов с более высоким уровнем образования, чем обычное среднее, но ниже высшего образования, не обнаружено никаких различий между группами с различными предпочтениями в отношении кодов. Итак, УРСР (суржик) никоим образом не является доменом необразованных людей.

Предпочтения отдают в среднем сначала украинскому, затем УРСР и в последнюю очередь русскому. Между ареалами вариантности предпочтений выражены сильнее, чем между подгруппами, выделяемыми по трем другим параметрам. Иерархия “украинский > УРСР > русский” оказывается частично “сломанной”, но только в восточно-периферийных частях области исследования: в Сумах и Днепропетровске (но не в лежащей между ними Полтаве) УРСР преобладает над украинским (и русским), а в северо-восточном ареале (Харьков) русский позиционируется выше, чем УРСР и украинский. Харьков, и только он, показывает результаты, аналогичные полученным в Беларуси, в то время как в других регионах Украины положение украинского языка обстоит во много раз лучше, чем положение белорусского в Беларуси.

Ареальные различия также были определены как важнейшие и для других рассмотренных здесь аспектов использования языка. Однако если учесть, какие из кодов никогда не используются, некоторые различия между областями стираются. Это относится к обоим литературным языкам. В пяти ареалах не более чем каждый пятый указывает, что никогда не использует украинский или, соответственно, русский язык (и другой, употребляющийся, как правило, наряду с УРСР), в то время как различия касательно частого использования оказываются значительными. Но описанные выше тенденции применимы и здесь. Так, в Харькове, то есть в ареале (Е), относительно много людей указывают, что никогда не используют украинский, но лишь немногие никогда не используют русский язык. Для УРСР существуют более сильные различия между ареалами. Если в ареале (D) фактически никто не указывает, что никогда не использует УРСР, то в ареале (Е) таковых каждый третий. Это наводит на мысль о различиях в установках (attitudes) в отношении кодов, которые следует выявить в другом исследовании (ср.: Хентшель & Целлер [статья в следующем номере нашего журнала]).

Из-за сильных региональных различий в использовании языков возник вопрос, скрывается ли за термином УРСР в разных ареалах что-то разное в градуальном плане, то есть наблюдаются ли региональные различия и в УРСР респондентов, по крайней мере, по их собственному мнению. Здесь ареал разделился на две части. Только в (Е) была выявлена значительная часть (примерно треть) лиц, которые оценили свою УРСР как более похожую на русский язык. Сопоставимая классификация наблюдается также относительно языка школьного обучения: в то время как во всем ареале исследования явно преобладает украинский, в (Е) — Харьков — проявились более сбалансированные отношения.

Конечно же, регионы, страдающие в настоящее время из-за вооруженных конфликтов (Луганск, Донецк) либо аннексированные Россией (Крым), так же, как и районы побережья Черного моря (Запорожье, Херсон, Николаев, Одесса) и крайний Запад (Львов, Закарпатье, Вольтинь, Ровно, Тернополь, Ивано-Франковск), здесь не учтены. Если же попытаться гипотетически экстраполировать результаты, представленные здесь и в работах: [Хентшель, Тараненко, 2015], а также [Хентшель, Брюггеманн, 2015], на области, не охваченные этим исследованием, то в Западном регионе едва ли можно ожидать неопределенности. Относительно использования трех кодов тенденции представленного здесь ареала (А), скорее всего, могут усиливаться, ведь сюда даже включен традиционно относящийся к западу Хмельницкий регион, то есть украинский будет еще более четко выдвинут на передний план, а УРСР и, прежде всего, русский — на задний. Более проблематичными являются обоснованные гипотезы для Востока и Юга. Усиливаются ли здесь скорее те тенденции¹, которые выявлены в частичном ареале (D), то есть в Сумах и Днепрпетровске, то есть явное доминирование УРСР по отношению к украинскому и русский на третьем месте, или же феномены, характерные для Харькова (E)? Несмотря на широко распространенное русскоязычие местных украинцев, Харьков является традиционным центром украинской культуры, что в аналогичной степени не характерно ни для одного из других регионов на Востоке и Юге. В Луганске и Донецке украинский, наверняка, будет отодвинут в использовании еще дальше на задний план. Это можно предполагать, сравнивая результаты, представленные здесь, с данными о владении украинским языком и о родном языке в последней переписи населения — так, как они воспроизводятся, например, в: [Національний атлас України, 2007, с. 275]). Значения по украинскому языку в Луганске и Донецке существенно снижаются по отношению к значениям по Харькову (и тем более по Днепрпетровску), в то время как русский набирает высоту. Как в переписи, так и в атласе, УРСР (суржик), конечно же, не учитывается. Поскольку оба восточных региона подобным образом представляют собой промышленный пейзаж, как и ареал Днепрпетровска, то как минимум часть снижения показателей по украинскому языку пойдет в пользу усиления УРСР как средства коммуникации, даже если этот вариант и будет более сильно окрашен русским. Юг, в свою очередь, будет также скорее следовать представленным здесь образцам использования языков в Харьковском регионе или же Сумах и Днепрпетровске. Таким образом, Восток и Юг Украины остаются объектами будущих исследований.

Источники

Національний атлас України = Національна академія наук України 2007. — К.: Нац. атлас України, 2007.

Хентшель Г. Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь / Г. Хентшель // Вопросы языкознания. — 2013. — № 1. — С. 53–76.

---

¹ Такая экстраполяция, конечно, никак не может учитывать отток людей из зон военных действий или Крыма, так как это невозможно предсказать. Главным образом она исходит из предположения о составе населения до вооруженных конфликтов.

Хентшель Г. Белорусско-русская смешанная речь (“трасянка”): восемь вопросов и ответов // Языковой контакт : сб. науч. статей. — Минск, 2015. — С. 172–186.

Хентшель Г. [в печати] Регулярная вариативность или “хаос”: Вопрос об узусе смешанной языковой разновидности на примере белорусской “трасянки” / Г. Хентшель // Вопросы языкознания. — 2016. — № 5.

Хентшель Г. Чи існує в Україні українсько-російський мовний конфлікт? Про співіснування, протистояння та змішування української й російської мов / Г. Хентшель, М. Брюггеманн // Українська мова. — 2016. — № 1. — С. 55–76.

Хентшель Г. Языковая и политическая ориентация молодых совершеннолетних белорусов: между русским и белорусским — между востоком и западом / Г. Хентшель, М. Брюггеманн, Г. Гейгер, Я.П. Целлер // Социология (Минск). — 2016. — № 2. — С. 57–76.

Хентшель Г. Языковая ситуация в Беларуси: Мнения белорусов о распространности языков в стране / Г. Хентшель, Б. Киттель // Социология (Минск). — 2011. — № 4. — С. 62–78.

Хентшель Г. Мовний ландшафт Центральної України: українська мова, російська мова, “суржик” (уживання — мовна компетенція — національне позиціонування) / Г. Хентшель, О.О. Тараненко // *Movoznavstvo*. — 2015. — № 4. — С. 3–25.

Хентшель Г. [в печати]. Языки и коды в центральных регионах Украины: мнения и аттитюды [статья 2-я] / Г. Хентшель, Я.П. Целлер.

Flier M. Surzhyk or Surzhyks? / Flier M. ; G. Hentschel & S. Zaprudski (eds.) // *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk: Structural and social aspects of their description and categorization*. — Oldenburg: [= *Studia Slavica Oldenburgensia* 17], 2008. — P. 39–56.

Schmid U. Region, nation and beyond. An interdisciplinary and transcultural reconceptualization of Ukraine [Electronic resource] / U. Schmid. — 2012. — Access mode : http://www.gce.unisg.ch/~media/internet/content/dateien/instituteundcenters/gce/sciencepart_schmidulrich.pdf?fl=de (Дата обращения: 27.3.2016).